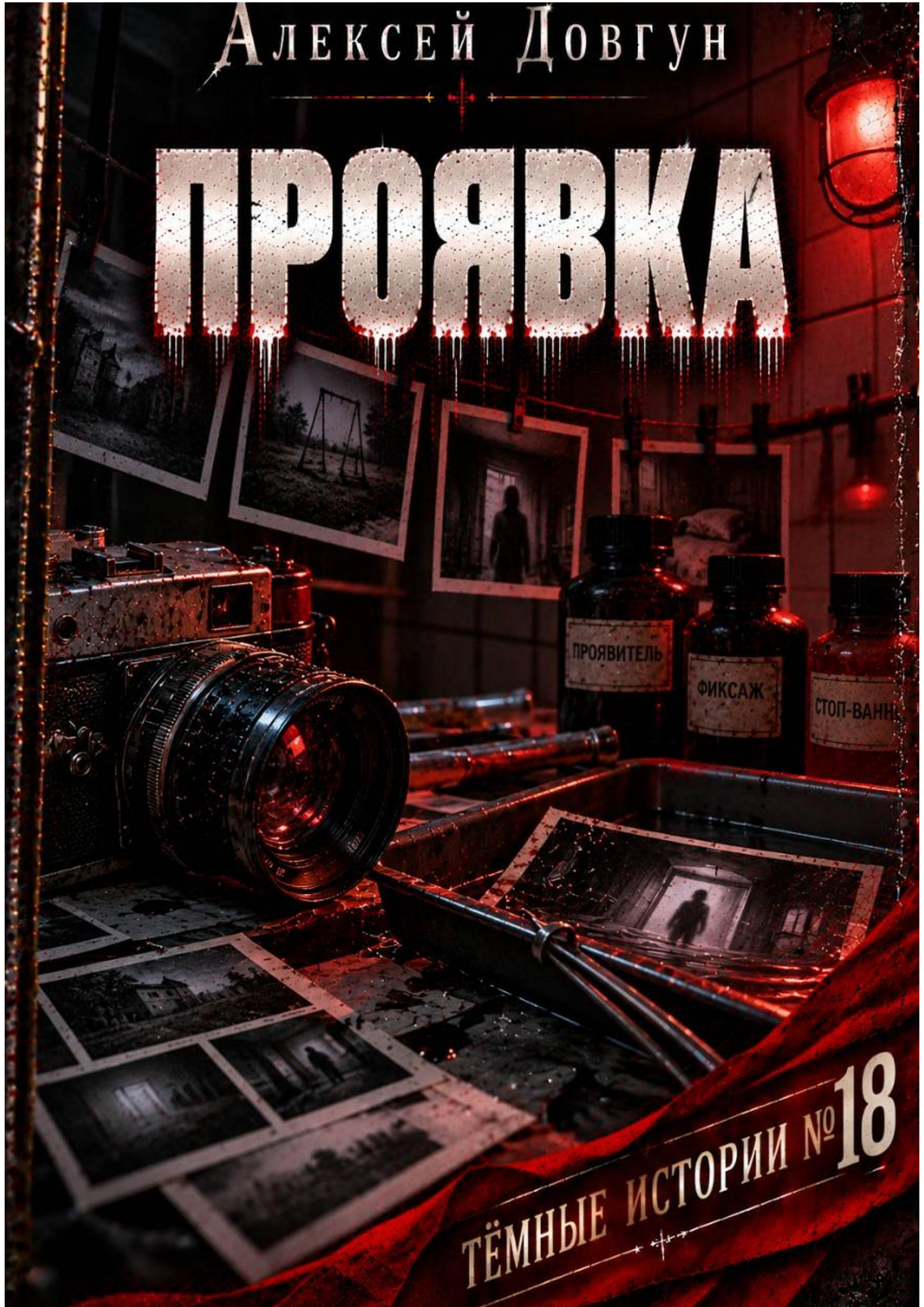


АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ПРОЯВКА



ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ №18

Алексей Довгун

Проявка

«Автор»

2026

Довгун А.

Проявка / А. Довгун — «Автор», 2026

Антон покупает на блошином рынке старую камеру без названия и серийного номера. Продавец лишь предупреждает: не стоит рвать затвор. Проявив первую плёнку, Антон обнаруживает фотографии собственной квартиры. Но снимки сделаны с невозможных ракурсов. А на каждом кадре появляется одна и та же странная фигура — высокая, безликая, с неестественно длинными руками. С каждым новым снимком она становится ближе. Последний кадр показывает самого Антона. Фотография сделана прямо сейчас — камерой, которая лежит у него за спиной. И тогда он понимает: камера не фотографирует прошлое. Она показывает то, что всегда находилось рядом, но чего человек не способен увидеть.

© Довгун А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Алексей Довгун

Проявка

Рассказ

Запах проявителя — едкий, слегка сладковатый, с тяжелыми нотками окисленного металла — вьелся в кожу Антона еще на вторые сутки. Он стер тыльной стороной ладони каплю пота со лба, стараясь не задеть глаза, и снова посмотрел на механический таймер, прикрученный к кафельной стене на двусторонний скотч. Стрелка медленно, с едва заметным тиканьем, ползла к отметке «03:00».

Ванная комната, на четыре дня превращенная в темную, казалась теперь чужой, потерявшей всякую связь с гигиеной и бытом. Окна были наглухо забиты черными мусорными пакетами, закрепленными малярным скотчем в три слоя, а стыки промазаны густым слоем дешевого пластилина. Щелей не осталось. Единственным источником света была тусклая лампочка на пятнадцать ватт, вкрученная в герметичный пластиковый плафон, который Антон сам же и герметизировал красным свет фильтром. Этот мертвый, кроваво-красный свет окрашивал белый кафель в цвет запекшейся крови, а пар от горячей воды, оседавший на стенах и потолке, делал помещение похожим на внутренность гигантского, влажного и пульсирующего сердца.

Антон любил старые вещи. Это было его убежищем от мира, где все становилось одноразовым, цифровым и скользким. Механические часы, требующие еженедельного завода; печатные машинки с тяжелым, ритмичным ходом каретки и запахом машинного масла; виниловые пластинки, шуршащие перед первой нотой. Он работал реставратором в частном архиве, и его квартира напоминала скорее склад, чем жилое пространство. Но то, что он нашел в прошлый четверг на блошином рынке у станции «Удельная», не вписывалось даже в его коллекцию.

Тот день выдался промозглым. Мелкий, холодный дождь превратил землю под ногами в липкую кашу, а воздух пах мокрой шерстью и ржавчиной. Антон шел вдоль рядов, где торговали старьем, механически перебирая груды советского фарфора, ржавых утюгов и пожелтевших журналов. Камера лежала на расстеленной прямо на асфальте газете.

Она была тяжелой. Не просто тяжелой для старой дальномерной камеры, а неестественно, пугающе тяжелой, словно ее выточили из цельного куска свинца. Корпус, обтянутый потрескавшейся, местами слезшей кожей, пах пылью и чем-то еще — чем-то сухим, органическим, напоминающим запах из открытого склепа. Ни гравировки, ни логотипа, ни серийного номера. Только массивный, царапанный объектив с многослойным просветлением, которое давало странный, фиолетово-зеленый отблеск, и латунный диск выдержки, который крутился с пугающей, идеальной плавностью.

Продавец, тощий старик в залежавшемся свитере, сидел на складном стуле и кутался в воротник. Когда Антон взял камеру в руки, старик дернулся, но не посмотрел ему в глаза.

— Тяжелая она, — пробормотал он, наконец отводя взгляд в сторону. Голос у него был хриплый, срывающийся. — И затвор тугой. Шторку не рви. Бери за две сотни, только уноси.

Антон торговаться не стал. Цена была смехотворной для вещи такого веса и качества сборки. Он расплатился, сунул камеру в рюкзак и почувствовал, как рюкзак оттянул плечо вниз. Камера была холодной. Даже через ткань рюкзака он ощущал странный, глубокий холод, который не имел ничего общего с осенней погодой.

Дома Антон первым делом отнес ее на кухню, включил яркий свет и вооружился лупой и набором инструментов для чистки оптики. Камера не поддавалась. Винты на нижней крышке были сорваны или заварены. Не было ни отсека для батареек, ни привычного механизма обратной перемотки. Он аккуратно, чтобы не повредить, ргнул тонким лезвием заднюю крышку.

Внутри не было привычного механизма. Только идеально гладкие, матовые стенки, не отражающие свет, и кассета.

Кассета была странной. Металлическая, без бархатцев на световой ловушке, тяжелая. Пленка была не до конца перемотана. Антон приложил ее к свету, но ничего не разглядел — основа была непрозрачной, матово-черной, словно сделанной не из ацетата, а из какого-то темного стекла. Любопытство взяло верх над осторожностью. Он не стал вскрывать саму кассету — боялся засветить остаток и повредить хрупкий механизм. Вместо этого он в полной темноте, на ощупь, в специальном проявочном мешке, вскрыл задник, вынул кассету и спрятал ее в светонепроницаемый контейнер.

Теперь, спустя четыре дня, процесс шел к концу.

Антон снял кассету с катушки в проявочном баке, промыл негатив дистиллированной водой, высушил его в пылезащитном шкафу и теперь, стоя под красным светом, держал в руках первый контактный отпечаток. Это был лист фотобумаги, на котором в мелком масштабе были видны все тридцать шесть кадров пленки.

Он поднес лист ближе к лампе, щурясь от резкого запаха фиксажа.

Первые кадры были пейзажами. Серое небо, размытые силуэты деревьев, какая-то заброшенная площадка с ржавыми качелями. Снято небрежно, с легкой смазкой, словно фотограф шел и снимал, не целясь. Но начиная с десятого кадра, геометрия менялась. Это были интерьеры.

Антон нахмурился. Он узнал эти обои. Мелкий, едва заметный орнамент в виде переплетающихся линий, который он сам клеил три года назад. Он узнал край книжного шкафа, ножку своего письменного стола, изгиб спинки дивана, потертость на линолеуме в коридоре.

— Чепуха, — прошептал он. Голос в маленькой ванной прозвучал глухо, поглощенный влажным, насыщенным химией воздухом.

Он жил один. Дверь была закрыта на два замка. Камера пролежала неизвестно сколько времени на рынке, в руках у старика, до этого — у кого-то еще. Это была либо двойная экспозиция, либо чей-то жестокий, тщательно спланированный розыгрыш. Но кто мог зайти к нему в квартиру, расставить камеру на штатив и снять эти ракурсы?

Антон перевел взгляд на контактный отпечаток, вглядываясь в детали под красным светом. Ракурсы были странными. Неестественными. Словно фотограф парил под потолком, прижавшись к углу, или стоял, вывернув суставы. Углы сходились под неестественными, режущими глаз углами.

И тут он заметил первую аномалию.

На двенадцатом кадре, в правом нижнем углу, там, где обычно стоял его напольный торшер, было темное пятно. Не засвет. Не царапина на негативе, не пылинка на эмульсии. Пятно имело форму. Размытую, вытянутую, словно объект двигался во время съемки, или сам объектив дрогнул. Но торшер на фото был на месте, его абажур четко прорисовывался на фоне стены. Пятно стояло *рядом* с ним, частично перекрывая ножку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.